

Личность Петра Великого

...В 1707 году поп из города Козельска ездил в Москву по своим делам. Он вернулся домой, пришли родственники, соседи, стали спрашивать, какие новости, видел ли отец Федор царя. Поп сказал, что видел государя. Шел он, поп, мимо дома Александра Даниловича Меншикова и видел, как со двора выезжал государь, без свиты. Не в карете, а один в двуколке, сам вожжи держал. Да побежала за ним рыженькая собачка и все лаяла. Остановил государь коляску, собачка прыгнула в коляску, а русский православный царь ну ее целовать-миловать, а она его лижет. Тьфу! Господи! Поразились гости: как так? русский царь с собакой целуется? Кто-то на попа донес, его арестовали, началось расследование, да вскоре священника выпустили. Ничего он не соврал, не придумал. Была и двуколка обшарпанная, на которой русский самодержец разъезжал по городу, была и рыженькая собачка любимая. Звали ее Лизетка, любил Петр I имя Лизавета – собаку называл так, корабль, дочь... А чучелко собачки до сих пор хранится в Зоологическом музее...

Конный портрет Петра I.

История с козельским попом примечательна тем, что дает представление о том необыкновенном впечатлении, которое производил на окружающих русский царь. Современники, как русские, так и иностранцы, поражались простоте манер Петра I, его скромному жилищу, непритязательности в еде. Они с удивлением встречали русского самодержца, едущего в одиночестве или с одним спутником в двуколке, видели его с топором на стройках и верфях, наблюдали, как царь лезет по вантам на мачту корабля или стоит за его штурвалом. Это порождало среди народа слухи о том, что якобы в детстве, когда у царицы Натальи Кирилловны родилась девочка, ее подменили на мальчика из Немецкой слободы, поэтому царь наш подмененный, немецкий. Другие говорили, что это чушь – царя подменили во время поездки на Запад. Схватили его, бедного, посадили в Стекольне, в стеклянной башне, а к нам прислали очень похожего шведа, вот он и правит нами. «Не царь у нас, а царишка!»

Слухи эти возникали из-за необычайной внешности и поведения Петра. Все в нем было как-то странно, непривычно. Необычна

была вся его высокая, непропорциональная фигура, резкие движения, размашистая быстрая походка, взгляд пронзительных черных глаз, подергивания головы, судорожные движения лица, рук и ног. Почти всегда небрежно одетый в недорогую и даже затрапезную одежду, он был чужд формальному почитанию и даже подчеркнутому вниманию окружающих. Но именно поэтому он был всюду виден, притягивал взгляды...

Иностранец, столкнувшийся с Петром на улице Амстердама, писал:

Его царское величество высокого роста, стройного сложения, лицом несколько смугл, но имеет правильные и резкие черты, которые дают ему величественный и бодрый вид и показывают его бесстрашный дух. Он ходит в курчавых от природы волосах и носит небольшие усы, что к нему очень идет. Его величество бывает обыкновенно в таком простом платье, что если кто его не знает, то никак не примет за столь великого государя. Он не терпит при себе большой свиты и мне часто случалось видеть его в сопровождении только одного или двух денщиков, а иногда и без всякой прислуги.

Другие иностранцы видели, как царь качался на качелях на Масленице, а потом зашел посмотреть на свадьбу простого булочника. Известно также, что Петр пел в церковном хоре. Любопытно, что древняя история для нас нема, мы не знаем, какой был голос у Наполеона, Юлия Цезаря. И только в записках простого солдата Никиты Кашина мы читаем о Петре: «Государь во время обедни сам читал Апостол – голос сиповатый, не тонок и не громогласен». Казалось, что царь сознательно избегал повсеместных проявлений полубожественного почитания своей персоны. Более того, Петр демонстративно пренебрегал обычаями старины, освященным веками этикетом. Но неправильно думать, что это был каприз, что он стремился разрушить почитание верховной власти. Просто у него был иной подход к этой власти, своей личности и своей роли. В одном из указов он писал, что подданные обязаны воздавать почтение государю, «однакож церемонии оному не всегда чинить надлежит», смотря по обстоятельствам, иногда желает государь, «чтоб не всегда голосен (то есть известен. – Е. А.) его проезд был, иногда же частого ради употребления оному наскучит». В истории нашей страны весьма мало правителей, которым когда-либо «наскучил» пышный ритуал их полубожественного почитания. Конечно, такое необыкновенное поведение царя – «работника на троне» – не могло не вызывать к его личности глубокой симпатии потомков, которые чаще сталкивались с иной манерой поведения правителей, лишенных порой даже толики гения Петра. В чем же суть и смысл такого поведения Петра?

Петр пренебрегал традиционным ритуалом потому, что он мешал ему жить по созданным им же принципам. Он шагал в солдатском строю, рубил топором на верфи, тушил пожары не только потому, что ему нравилась конкретная работа, что он любил видеть конкретный результат своего труда. Он был у всех на виду, он подавал пример, он считал себя учителем, мастером. Реформы, война воспринимались Петром как постоянная учеба, школа, которую должен был пройти русский народ, чтобы добиться успехов, подобных успехам западноевропейских народов. Пример же был главным методом воспитания в этой школе. Как-то, попивая целебные олонекские воды, он наставительно сказал: «Вот, тело свое лечу водами, а подданных примерами». Английский посланник Чарльз Уитворт писал:

Царь, находясь при своей армии, до сих пор не является ее командующим, он состоит только капитаном бомбардирской роты и несет все обязанности этого звания. Это вероятно делается с целью подать пример высшему дворянству, чтобы и оно трудом домогалось знакомства с военным делом, не воображая, как вообразало о себе прежде, что можно родиться полководцем, как родишься дворянином или князем.

Подобное же увидел и датский посланник Юст Юль. Он наблюдал поведение царя на верфи. Петр снял шапку и почтительно поклонился адмиралу:

Такое почтение он выказывал... и всем старшим по службе лицам... Пожалуй, это может показаться смешным, но в основании такого образа действий лежит здоровое начало: царь собственным примером хочет показать прочим русским, как в служебных делах они должны быть почтительны и послушливы своему начальству.

Впрочем, не будем обольщаться демократизмом первого императора. В довоенном фильме «Петр Первый» есть один замечательный по своей выразительности эпизод. Он соответствует исторической действительности. Иностраный дипломат, впервые попавший на петровскую ассамблею, поражен, он видит Петра за столом в окружении простых шкиперов и купцов, с которыми царь весело пьет пиво и курит трубку. Он вопрошает стоящего рядом вице-канцлера Шафирова: «Говорят, царь прост?», на что Шафиров со сладкой улыбкой отвечает: «Государь прост в обращении». И это так! Да, он был прост, доступен, участвовал запанибрата в частых попойках при дворе, но внимательный наблюдатель видел и другую сторону поведения царя:

На всех пирах лишь только соберутся гости, прежде чем они примутся пить, царь уже велит поставить у дверей двойную стражу, чтобы не выпускать никого, не исключая и тех, кого

рвет. Но при этом сам царь редко выпивает более одной или, в крайнем случае, двух бутылок вина, так что я редко видел его пьяным в стельку. Между тем остальных гостей он заставляет напиваться до того, что они ничего не видят и не слышат, и тут царь принимается с ними болтать, стараясь вывести, что у каждого на уме. Ссоры и брань между пьяными тоже по сердцу царю, так как из их взаимных укоров ему открываются их воровство, мошенничество, хитрость.

Всем были известны его взрывная импульсивность, страстность натуры, бешенство, которое его порой охватывало, и тогда он крушил все вокруг себя. Петр вызывал страх у многих своих современников. Некоторым он казался пришельцем из другого мира, антихристом, насланным на Россию за грехи ее. За Петром тянулась дурная слава палача и любителя застенка. В 1698 году в Преображенском приказе велось дело одной помещицы и ее крепостного, говоривших о царе такие слова: «Без тово-де он жить не может, чтоб ему некоторый день крови не пить», а «как крови изопьет, так весел, а нет, то хлеб ему не есца». Как бы в подтверждение этой мысли как помещицу, так и ее крестьянина за эти слова казнили. Мнение о царе-кровопийце жило в обществе и потом. Скажем так: мнение народное, как всегда, пристрастно.

Конечно, царь не был кровожадным палачом и сумасшедшим вроде Ивана Грозного, и кровь человеческую он не пил. По своему характеру, устремлениям царь был типичным, не знающим сомнений фанатиком служения своей идее. И ради нее он не считался ни с чем. Люди для него мало что значили. С ними он был циничен, бесцеремонен и даже эгоистичен. Примеров этому множество. В 1703 году, столкнувшись с большой смертностью солдат в армии, он писал из-под Шлиссельбурга боярину Т. Стрешневу, который ведал наборами солдат: «Изволь, не помедля, еще солдат сверх кои отпущены, тысячи три или больше прислать в добавку, понеже при сей школе много учеников умирает, того для не добро голову чесать, когда зубы выломаны из гребня». Мы видим, что люди для Петра – как зубья в гребешке, которые нужно быстро заменить. Он был рационалистом, истинным сыном своего века, который превыше всего признавал опытное знание, практику, презирал всякие сантименты и относился к человеку как к подручному материалу, с помощью которого возводил новую Россию, осуществлял эксперименты общегосударственные, да и научные. Известно, что в 1705 году Петр, присутствуя при казни преступника, остановил казнь и прямо с эшафота отправил преступника для опытов к доктору Бидлоо. Мужик здоровый, ну отрубят ему голову без пользы для отечества, а тут, может, он пригодится, как кролик для ученого. В деле сказано, что преступник через шесть

дней у Бидлоо умер: тот ему печень вырезал. В другой раз, стоя в соборе вольного города Гданьска возле бургомистра, царь вдруг протянул руку, сорвал с головы бургомистра парик и нацепил себе на голову. Все онемели от ужаса, Петр же стоял как ни в чем не бывало – а что собственно произошло? Дуло из дверей, государю стало холодно, вот он и снял парик с бургомистра. Он был циником и прагматиком, ни во что не ставившим жизнь других людей. Отношение Петра к людям было практически лишено всякого гуманизма.

Опытное знание, веру в законы природы Петр ставил выше всего. Поэтому он любил по преимуществу науки точные, прикладные. Среди «художеств», которые следовало внедрить в России, он перечисляет математику, механику, черчение, баллистику, фортификацию, ботанику и вообще не упоминает об искусстве, которое для него – лишь пособие для обучения или способ украшения жилища. Рационально он подходил к переводам книг. В одном из указов он писал: «Понеже немцы обвыкли многими рассказами негодными книги свои наполнять только для того, чтоб велики казались, чего, кроме самого дела и краткого перед всякою вещию разговора, переводить не надлежит». А еще он обожал медицину, точнее – хирургию. Он пристрастно следил за здоровьем своих окружающих и незамедлительно предлагал, к их вящему ужасу, свои услуги. Так, голштинский придворный Берхгольц писал в своем дневнике:

Герцогиня Мекленбургская Екатерина Ивановна находится в большом страхе, что император примется за ее больную ногу: известно, что он считает себя великим хирургом и охотно берется за всякого рода операции над больными. Так, в прошлом году он собственноручно и вполне удачно сделал фабриканту Тамесу операцию в паху, причем пациент был в смертельном страхе, операция представлялась ему весьма опасной.

Но обошлось.

Петр I был необыкновенным человеком, по-своему симпатичным. Неблагоприятное впечатление от порой грубых ухваток и отталкивающих привычек царя значительно смягчалось, отходило на задний план перед тем удивлением и восторгом, которые вызывали у людей его глубокий ум, трезвость и верность суждений, необыкновенное трудолюбие. От этого удивительного царя обычно оставались в восторге люди военных, технических, естественнонаучных профессий и увлечений – он поражал их своими глубокими знаниями и умениями, неиссякаемой любознательностью, искренним восторгом перед гением творца сложных машин и механизмов. И тогда обычно прижимистый в тратах царь не жалел денег ради того, чтобы привезти в Россию какое-нибудь

диковинное изобретение, вроде паровой машины для фонтанов Летнего сада или анатомической коллекции голландца Рюйша.

Впрочем, часто царь, человек бешеного нрава и темперамента, преображался, когда речь заходила об интересах его страны, и за столом дипломатических переговоров он проявлял необыкновенное терпение, выдержку, знание сложных тонкостей и «конъюктур» европейской политики, в чем разбирался не меньше, чем в секретах строительства и вождения кораблей. Один иностранец пишет, что в вежливой беседе с иностранным послом Петр сквозь зубы сказал приближенному по-русски: «Черт его возьми, надоел он мне хуже горькой редьки!», но дело есть дело, и царь терпеливо вел переговоры.

Не раз Петр говорил, что по-доброму Россией править невозможно. Он был вообще плохого мнения о своих подданных, считал русский народ ленивым, был убежден, что без насилия ничего путного в России не будет, и поэтому нередко хватался за свою знаменитую палку. Он не терпел беспорядка, возмущался московским «тотчас» и «завтра», нещадно бил даже знатных своих подданных. Но порой его охватывало отчаяние. Как-то, возвратясь из Сената и видя, как прыгает радостно возле него любимая собачка Лизетка, он присел и стал ее гладить, приговаривая: «Когда б послушны были в добре так упрямы, как послушна мне Лизета, тогда не гладил бы я их дубиною. Моя собачка слушает без побоев, знать, в ней более догадки (ума), а в тех – заматерелое упрямство». По письмам Петра видно, что у него были причины приходить в отчаяние. Он нес тяжкое бремя реформатора, которого не понимал никто, он требовал от людей хотя бы точного исполнения своих обязанностей. «Стройте не образом, но делом, – призывал он подданных, – чтобы было крепко и добрым мастерством, и сие не токмо волею, но и неволею делать». Но все его призывы были напрасны. В 1716 году он получил письмо от своего ближайшего сподвижника Ф. М. Апраксина, который сообщал, что несколько дней не получал от царя указов и теперь «истинно во всех делах как слепые бродим, не знаем что делать, стала везде великая растрейка... денег ниоткуда не везут, все дела становятся». Наверняка тяжело вздохнул государь, прочитав это письмо. Несомненно, им должно было владеть острое чувство одиночества, сознание того, что его все боятся, не любят, не понимают. Петр имел все основания думать, что без него все дела встанут, а люди, как только он отвернется, бросят работу. Отчаянием проникнуты строки письма к царевичу Алексею: «Я есмь человек и смерти подлежу, то кому вышеписанное с помощью Всевышнего насаждение и уже некоторое возвращенное оставляю?»

И все же так случилось, что в памяти людей необыкновенная личность царя запомнилась не слабостями и недостатками, пороками и грехами, а великой целью прославить Россию, сделать ее просвещенной и могучей. Историк М. П. Погодин как-то заметил о Петре:

Концы всех наших нитей соединяются в одном узле. Куда мы не оглянемся, везде мы встречаемся с этой колоссальной фигурой, которая бросает от себя длинную тень на все наше прошедшее и даже застит нам древнюю историю, которая (фигура. – Е. А.) в настоящую минуту все еще как будто держит свою руку над нами и которой, кажется, никогда не потеряем мы из виду, как бы далеко не ушли мы в будущее.

Опросы общественного мнения в постсоветское время показывают, что среди выдающихся деятелей России у Петра

Великого нет соперников: он один привлекает более 50 процентов общественных симпатий. Этот показатель кажется важным. Это значит, что люди признают необходимость мирных реформ и ненужность революции. В любви к первому императору видно и сожаление об исчезнувшей империи, ее утраченных огромных пространствах, которые в русском сознании всегда были символом могущества. Здесь и восхищение людей сильной личностью, хозяином, ведущим народ вперед. А более всего здесь – преклонение перед безупречной государственной репутацией Петра Великого, который никогда не заботился о своих богатствах, наградах, славе, а жил только ради России, ради ее будущего.